

А. Ф. ГРАБСКИЙ

ПО ПОВОДУ ПОЛЬСКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В НАЧАЛЕ XI в.

С установлением политических связей с империей Оттонов (с 963 г.) и особенно после принятия христианства по латинскому обряду в 966 г. государство первых Пястов оказалось в кругу тех западноевропейских стран, которые были связаны единством церковной организации. В кругу этих стран оказались и соседи Польши — Чешское государство и Венгрия. В то же время русские земли, лежавшие к востоку от Польши, испытывали сильное церковное, а в известной мере и политическое влияние Византийской империи. Таким образом, в конце X—начале XI в. р. Буг стала не только границей между Польшей и Киевской Русью, но и одним из рубежей, на котором сталкивались интересы двух наиболее могущественных тогда в Европе сил: Священной Римской империи и папства, с одной стороны, и Византийской империи — с другой¹.

Такое положение было результатом долголетнего соперничества двух империй из-за славянских земель Центральной и Восточной Европы и из-за венгерских земель. Известно, что одновременно с поглощением Велико-моравским государством племенного княжества вислян, христианство по славянскому обряду распространилось вплоть до земель и на Верхней Висле². Правда, недоброжелательство немецкого епископата и папства, подогреваемое той поддержкой, которую оказали (начиная с 874 г.) Мефодию Василий I и Фотий, привело в конце концов к крушению этой миссии, но это не означало полного падения византийского влияния на данной территории. Есть основания предполагать, что еще в XI в. на территории польского государства существовало христианство по греческому обряду³ и лишь позднее оно было полностью вытеснено латинским обря-

¹ Ср.: Z. Wojciechowski. *Patrycjat Bolesława Chrobrego*. *Studia Historyczne*. Warszawa, 1955, str. 118.

² Житие Мефодия (так называемая Паннонская легенда). *Monumenta Poloniae Historica* (далее MPH), t. I. Lwów, 1864, p. 107: „Бъже и пророуческа благодѣтъ в немъ яко ся соуть събывала многа проридания его, отъ нихъ же ли едино или двѣ скажемъ. Поганьскъ князь сильнъ вельми, съдя въ висльхъ, роугаше ся христяномъ и пакости дѣяше. Посълавъ же к нему рече: добро ти ся крстыти, сыноу, волекъ своею на своей земли, да не плѣнень ноудьми крыщень боудеши на чужей земли, и помянеши мя. Еже и бысть“. Ср.: K. Potkański, *Kraków przed Piastami*. *Rozprawy Akademii Umiejętności, Wydział Historyczno-Filozoficzny*, t. XXXV, Kraków, 1898, str. 161 sq.; J. Widajewicz. *Państwo Wiślan*. Kraków, 1947, str. 8 sq.; e.g.o же. *Początki Polski*. Wrocław, 1948, str. 71 sq.; T. Lehr-Spławiński. *Konstantyn i Metodiusz w walce o liturgię słowiańską*. *Przegląd Zachodni*, 1949, nr. 12, str. 634—5; K. Lanckorońska. *Le vestigia del rito Cirillo-Methodiano in Polonia*. *Antemurale*, I. Roma, 1954, str. 13 sq.

³ *Galli Anonymi Chronica et Gesta Ducum sive Principum Polonorum*,

дом. Рим и Германская империя вели борьбу против византийского влияния и в Венгрии, считая его особенно опасным в связи с экспансией Восточной империи в Болгарию. Именно поэтому папа Сильвестр II быстро согласился на коронацию Стефана I в 1000 или 1001 г.⁴, а Генрих II вступил с ним в родственные связи⁵.

С другой стороны, предпринимались попытки распространить влияние латинского христианства и на русские земли. Известно, что еще во времена Оттона I там пытался вести миссионерскую деятельность епископ Либуций из монастыря Сен-Альбан под Майнцем⁶. Однако лишь его преемнику епископу Адальберту из монастыря св. Максимилиана под Триром удалось добраться до Киева, но и он ничего не добился⁷. С западным влиянием успешно соперничала греческая церковь, о чем свидетельствует крещение Ольги, а также распространение христианства по греческому обряду среди русских вельмож⁸. Эта борьба продолжалась на Руси и в княжение Владимира I, когда Рим безуспешно пытался склонить князя принять крещение по латинскому обряду⁹. Отражением этих поползновений являются попавшие в западноевропейские источники предания о крещении Владимира по римскому обряду¹⁰. Попытки распространить на Руси христианство по латинскому обряду предпринимались неоднократно даже в более поздние времена: достаточно вспомнить миссию Бруно из Кверфурта и более позднюю миссию Колобжегского епископа

ed. K. Maleczyński. MPH, Nova series, t. II. Kraków, 1952, p. 39 в „De morte Boleszlai carmina“ говорится о скорби по поводу смерти Болеслава „Latinorum et Slauorum“. Относить определение „Slavi“ к исповедующим христианство по византийскому обряду с полной уверенностью нельзя. Скорее всего, это стилистический оборот (cf.: Т. Гус. Z dziejów kultury w Polsce średniowiecznej. Poznań, 1924, str. 126—129. Более ценными являются сведения о деятельности на территории Польши некоего афонского монаха („Киево-Печерский Патерик“, изд. Д. Абрамович, Киев, 1930, стр. 146) во времена Болеслава Храброго.

⁴ Ср.: М. Ło d y ń s k i. Węgry lennem Stolicy Apostolskiej. Kwartalnik Historyczny 1910, t. XXIV, str. 36 sq.; G. Labuda. Studia nad początkami państwa polskiego. Poznań, 1946, str. 282 sq.

⁵ Брак Стефана I с Гизелой, сестрой Генриха II, был заключен раньше 1013 г. Ср.: A. F. Gombos. Saint-Etienne dans l'historiographie du moyen-âge. Archivum Europae Centro-Orientalis, IV, 1938, p. 60.

⁶ Continuatio Reginonis, MGH SS, I, p. 624; Annales Hildesheimenses, MGH SS, III, p. 60; Annales Quedlinburgenses, MGH SS, III, p. 60; Annales Lamberti, MGH SS, III, p. 61.

⁷ Continuatio Reginonis, MGH SS, I, p. 624; Thietmari episcopi Merseburgensis Chronicon, ed. M. Z. Jedlicki. Poznań, 1953, II, cap. 22, p. 72; ср.: W. Abraham. Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi, t. I. Lwów, 1904, str. 8; G. Vernadsky. Kievan Russia. New Haven, 1951, p. 41.

⁸ См. Повесть временных лет, т. I. М.—Л., 1950, стр. 44—46; т. II, стр. 306—308; Памятники русского права, т. I. М., 1952, стр. 34; Constantini Porphyrogeniti Liber de ceremoniis aulae Byzantinae. Bonnae, 1829, t. VIII, p. 597—598; а также Е. Голубинский. История русской церкви, т. I. М., 1901, стр. 35 и сл.; W. Abraham. Op. cit., p. 4 sq.; W. K. Medlin. Moscow and the East Rome. Genève, 1952, p. 39—40; Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 458—459; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 217 и сл.

⁹ См. Повесть временных лет, т. I, стр. 60, 75; Левченко. Очерки...; стр. 373 и сл.; его же. Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире, ВВ. т. VII, 1953, стр. 214 и сл.

¹⁰ Ademari Gesta Francorum. PL, t. 141. III, cap. 31, p. 47—48; Petri Damiani vita Sancti Romualdi. MPH, t. I, cap. 27, p. 327—329; см. М. Я. Сюзюмов. Разделение церквей в 1054 году. ВВ, 1956, № 8, стр. 51. Предание о крещении Владимира Бруно в хронике Адемара представляет собою интерполяцию XI в.: см. S. Kętrzyński. O zaginionym św żywozien św. Wojciecha. Kraków, 1902, str. 14 sq.; Labuda, Studia nad początkami państwa polskiego, str. 246—247.

Рейнберна, а также интриги изгнанного с Руси Изяслава при дворе Григория VII, которые кончились интервенцией, организованной папой и Болеславом Щедрым¹¹.

Наряду с церковными влияниями существовали торговые связи. Если уже в X в. император Константин Багрянородный располагал определенными сведениями о племени лендзян как о зависимом от Киева (а это племя современная наука причисляет к польским племенам и отводит ему место в районе Сандомирщины), он получил их, надо полагать, от купцов¹². Византийские товары не были редкостью в польских землях. Их везли купцы, следовавшие с Руси на Запад, их везли из Венгрии и, возможно, — из Чехии¹³. Правда, ввоз византийских товаров в польские земли был невелик, и это можно объяснить тем, что речь шла о предметах роскоши, которые были объектом транзитной торговли с Западом и не часто продавались по дороге. Однако археологические исследования дают все новые находки предметов византийского происхождения. В Гданьске в культурных слоях, относящихся к XI—XIV вв., недавно найдено значительное количество шелковых тканей, ввезенных из Константинополя¹⁴. Такого же происхождения, вероятно, и кусок парчи, найденный в Ополе, а также ряд других украшений, найденных в различных частях Польши. О ввозе монет можно судить по тем раннесредневековым 46 клadam, найденным на территории Польши, в которых содержатся византийские монеты. Основной приток византийских монет приходится на период с середины X до середины XI в. Особенно много найдено монет Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия, Василия II¹⁵. Они попадали в Польшу нередко через значительный срок после их чеканки, иногда через несколько десятков лет.

Следовательно, можно утверждать, что польские земли имели торговые связи и с Византией.

Церковные и торговые отношения, свидетельствующие о связях Польши с Византийской империей, ставят перед исследователем вопрос: не существовало ли между этими странами отношений политического характера?

Займемся этим вопросом.

¹¹ List Brunona z Kwerfurtu do Henryka II, MPH, t. I, p. 224—225; ср.: H. Paszkiewicz, The origin of Russia. London, 1954, p. 88—89 (о миссии Бруно). См. о Бруно: R. Wenskus. Studien zur historisch-politischen Gedankenwelt Bruns von Querfurt. München—Köln, 1956, S. 150—151; Thietm., Chronicon, VII, cap. 72, p. 571 (о миссии Рейнберна); List Grzegorza VII do Bolesława Śmiałego, MPH, t. I, p. 367—368 (интервенция в связи с Изяславом).

¹² Constantini Porphyrogeniti De administrando imperio, ed. J. Becker. Bonnae, 1840, p. 75; ср. Widajewicz. Państwo Wislan, str. 13 sq.; H. Łowmiański. Lędzianie, Slavia Antiqua, IV. Poznań, 1953, str. 97 sq.; S. M. Kuczynski. Nieznany traktat polsko-ruski roku 1039, Ekskurs I, Slavia Antiqua, V. Poznań, 1956, str. 270 sq.

¹³ Большое значение имел торговый путь из Киева в Червеньские города, имевший ответвления в Центральную Польшу, Малую Польшу, Перемышль и Венгрию. Весьма интересные замечания сделали по этому поводу: T. Lewicki. Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny, t. I, Wrocław—Kraków, 1956, str. 144 sq. (в примечаниях); idem. Źródła hebrajskie do dziejów środkowej i wschodniej Europy w okresie wczesnego średniowiecza, Przegląd Orientalistyczny, 1955, nr. 3, str. 283 sq.; F. Kupfer, T. Lewicki. Źródła hebrajskie do dziejów Słowian i niektórych innych ludów środkowej i wschodniej Europy. Wrocław—Warszawa, 1956, str. 57 (в примечаниях).

¹⁴ J. Kamińska. Włókiennictwo gdańskie z X—XIII w., Łódź, 1956 (машинопись).

¹⁵ Здесь я основываюсь на сопоставлении, сделанном хранителем Археологического и Этнографического музея в Лодзи магистром А. Гупендом.

* *
*

Один из важнейших источников по истории Польши времен правления Болеслава Храброго, хроника Титмара, епископа Мерзебургского, сообщает, что после захвата Киева в результате польско-русской войны 1018 года Болеслав «...ad Greciam quoque sibi proximat nuncios misit, qui eiusdem imperatori bona, si vellet fidelis amicus haberi, promitterent; sin autem, hostem firmissimum ac invicibilem fieri intimarent»¹⁶.

Это исключительно интересное сообщение о посольстве польского князя к императору Василию II не стало, как это ни странно, предметом подробного исследования в польской историографии.

Остановимся прежде всего на обстоятельствах отправления этого посольства.

Оно было тесно связано с польско-русской войной 1018 г. Болеслав Храбрый отправил его из Киева, занятого им 14 августа¹⁷. Сообщение о русской войне, содержащееся в хронике Титмара, основано на словах очевидцев — германских рыцарей, которые участвовали в ней на стороне Болеслава¹⁸. После взятия Киева возведенный на трон Святополк отослал их домой¹⁹. Они должны были прибыть в Германию не позднее конца ноября, так как иначе их сообщения не могли бы стать основой рассказа Титмара, умершего 1 декабря 1018 г.²⁰ Расстояние между Киевом и Мерзебургом составляет не менее 1300 км²¹, следовательно, немцам пришлось преодолеть его, по крайней мере, за 43 дня, считая нормальной скорость передвижения по 30 км в день²². Из этого следует, что германские рыцари выехали из русской столицы примерно в середине октября 1018 г. Таким образом, дата отправления посольства в Византию определяется периодом от середины августа до середины октября 1018 г.

Каковы были цели посольства? Титмар записал, что послы польского князя «eiusdem (то есть Греции) imperatori bona promitterent». Переводчик хроники Титмара М. Э. Едлицкий переводит «bona» как доброжелательность²³. Как нам представляется, речь идет действительно о «bonum» в смысле характера отношений, так как слово «promitterent» свидетельствует, что речь идет не о дарах, вручавшихся византийскому императору каждым прибывавшим посольством. Поэтому следует думать, что в этих словах Болеслав извещал готовность на установление хороших, доброжелательных отношений с императором. Однако эта готовность обусловлена оговоркой: «si vellet (император) fidelis amicus haberi». А дальнейшая часть фразы содержит скрытую угрозу: «sin autem, hostem firmissimum ac invicibilem fieri intimarent» (разумеется, послы). Это выражение позволяет догадываться, что под словами «si vellet fidelis amicus haberi» кроется какое-то важное требование, удовлетворение которого является условием упомянутой «amicitia». Каково же было то требование, которое заставило Боле-

¹⁶ Thietm., Chronicon, VIII, cap. 33, p. 623.

¹⁷ Ibid., cap. 32, p. 621.

¹⁸ Ср.: А. Ф. Грабский, *Повесть временных лет jako źródło do dziejów Polski w świetle nowszej literatury*. Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego, 1955, nr. 1 2, str. 272.

¹⁹ Thietm., Chronicon, VIII, cap. 32, p. 623.

²⁰ Annales Quedlinburgenses, MGH SS, III, p. 84; ср.: Thietm. (вступ. статья М. З. Jedlicki), p. XXX.

²¹ Я высчитал его приблизительно, по отрезкам пути: Киев—Владимир—Краков—Вроцлав—Будишин—Мерзебург.

²² О скорости передвижения вооруженных людей говорит A. Nadolski. *Polskie sily zbrojne w czasach Bolesława Chrobrego*. Łódź, 1956, str. 53.

²³ Thietm., Chronicon, p. 623 (польский перевод).

слава бросить на весы свою славу победителя Германии и Руси (*invicibilis*), свое политическое могущество (*firmissimus*), лишь бы добиться от византийского императора принятия его условий?

Болеслав как властитель Польши не мог быть врагом (*hostis*) императора. Возможность этого появилась только после возведения Святополка на княжеский престол. Новый киевский князь был зятем Болеслава, своим выдвижением он был обязан исключительно военной помощи польского князя и полностью зависел от него. Как известно, при жизни Владимира Святополк находился в оппозиции, и за свои «заговоры» подвергся заточению. Он поддерживал связи с Польшей и печенегами. С этими последними польское государство заключило соглашение, вероятно, еще в 1008 г.²⁴ В 1013 г. оно использовало их помощь в неудачном походе на Русь в связи с заточением Святополка²⁵. То же самое произошло и в 1018 г.²⁶ Союз Болеслава и Святополка с кочевниками-печенегами мог стать опасным для Византии. Исходя из этого, можно, на мой взгляд, предположить, что содержащаяся в упоминавшейся выше фразе угроза по адресу Василия II относилась, по-видимому, к русско-византийским отношениям. Можно полагать, что Болеслав угрожал вместе с подчиненным ему Святополком стать врагом Византийской империи.

О том, чего же требовал Болеслав, Титмар не говорит. Единственно, что можно утверждать на основе анализа его текста, так это то, что требование Болеслава не отвечало интересам империи и должно было быть невыгодным для Василия — иначе этого требования не пришлось бы добиваться путем угроз. Но для более конкретного ответа нужно искать косвенных указаний. Можно предположить, что требование это было важно и для Болеслава и для его союзников. Одного из них мы знаем: это Святополк. Однако в исходе войны 1018 года был заинтересован также и германский император Генрих II. Участие Германии в русском походе 1018 года было одним из условий Будишинского мира, заключенного между Польшей и Германией 30 января 1018 г.²⁷ Немецкий хронист рассказывает, что Болеслав Русь «*grandi exercitu peciit multumque ei nostro fame posuit*»²⁸. Как уже выше было упомянуто, на стороне Болеслава сражалось 300 германских рыцарей. Так как Генрих II не мог в то время оказать большей помощи Болеславу, он обеспечил участие в этом походе венгерских войск. Можно поэтому предполагать, что требования, предъявленные Болеславом Василию II, наверняка касались таких вопросов, в которых был заинтересован и Генрих II.

Чтобы ответить на вопрос, каких уступок добивался Болеслав Храбрый, необходимо установить, на чем основывалась общность интересов Германии, Польши и нового правителя Руси. Из хроники Титмара и из данных Первой новгородской летописи известно, что после смерти Владимира I в 1015 г. Генрих заключил с противником Святополка Ярославом договор, направленный против Польши²⁹. Результатом этого соглаше-

²⁴ Ср.: St. Zakrzewski. Bolesław Chrobry Wielki. Lwów, 1925, str. 223—224; Paszkiewicz. Op. cit., p. 89.

²⁵ Thietm., Chronicon, VI, cap. 91, p. 445; ср.: Zakrzewski. Op. cit., str. 251; Paszkiewicz. Op. cit., p. 88, примеч. 3.

²⁶ Thietm., Chronicon, VIII, cap. 32, p. 621. На угрозу интересам Византии в результате союза Болеслава с печенегами обратил внимание О. Halecki. La Pologne et l'Empire Byzantin. Вус., t. VII, fasc. I, 1932, p. 45.

²⁷ Ср.: Zakrzewski. Op. cit., p. 293; M. Z. Jedlicki в комментарии к Титмару, str. 580—581.

²⁸ Thietm., Chronicon, VIII, cap. 31, p. 621.

²⁹ Ibid., VII, cap. 65, p. 561—563; „Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов“, изд. А. Насонов, М., 1950, стр. 15, 175.

ния были совместные действия германских и русских войск в 1017 г. против Польши: русские напали на пограничный город Берестье на Буге. Можно предполагать, что союз императора Генриха II с Ярославом существовал еще в начале октября 1017 г.³⁰ Что же могло произойти после этого в русско-немецких отношениях, если уже в конце января следующего года Генрих II поддерживает Святополка, обещая участие немецких войск в русском походе Болеслава? Это тем более заслуживает внимания, что речь идет не о простом участии, которое можно было бы считать лишь выполнением требований Болеслава по Будишинскому миру; напротив, мы знаем, что Генрих был одним из вдохновителей похода и что он вовлек в поход Венгрию. Обращает на себя внимание и тот факт, что ранее, начиная с 1005 г., Генриха II преследовали большие, чем в 1017 г., неудачи в войне с Польшей, однако никакие из многочисленных тогда переговоров не длились столь короткое время, и никогда еще германский император не отказывался так быстро от всех своих притязаний, как теперь³¹. То обстоятельство, что Будишинский мир был результатом твердой позиции Польши, еще не дает должного объяснения стремлению Генриха заключить его быстрее любой ценой, «non ut decuit, sed sicut fieri potuit»³². Эта поспешность должна иметь более полное объяснение в императорской политике в целом, и думается, что именно в этом же надо искать и причины изменения позиции по отношению к Руси. Нам представляется, что все эти политические действия можно в какой-то степени объяснить лишь в том случае, если обратить внимание на другой фронт германской политики того времени — на политику в Италии³³.

Коронационная экспедиция Генриха в Италию 1014 г. утвердила на папском троне Бенедикта VIII. С этого момента новый папа являлся верным защитником интересов империи в Италии³⁴.

В Италии было по меньшей мере беспокойно: кроме затухавшей борьбы претендента на ломбардский трон Ардуина, германскую партию весьма интересовали события, происходившие в византийских владениях на юге страны. Ослабление власти катепанов, частая смена их в первые годы XI в. благоприятствовали вмешательству папства и германской империи в южноитальянские дела. Если еще в 1014 г. Генриху было трудно думать об этих делах, то теперь германско-папская политика была основана на решимости использовать представившийся случай. Таковым явилось антивизантийское движение в Апулии, которым предводительствовали крупные феодалы во главе с Мелесом (Мело, Исмаил). Они подняли восстание еще в мае 1009 г., но поражение, нанесенное им византийскими войсками под Битетто, восстановило на некоторое время спокойствие в стране и принудило предводителей движения искать поддержки извне³⁵. Они

Замечания Д. С. Лихачева (Повесть временных лет, т. II, стр. 363, 369) по поводу упоминаний Новгородской летописи не убедительны.

³⁰ В то время германские войска вели обмен пленными и частью были распущены по домам. Поводов для разрыва отношений с верным союзником не было. См.: Thietm., Chronicon, VII, cap. 65, p. 561.

³¹ См.: Zakrzewski. Op. cit., p. 172 sq. (описание войн 1003—1018 гг.).

³² Thietm., Chronicon, VIII, cap. 1, p. 579.

³³ Эту мысль подал Закжевский (op. cit., p. 291).

³⁴ L. Duchesne. Les premiers temps de l'État pontifical. Paris, 1904, p. 369—372; J. Gay. Les papes du XI-e siècle et la chrétienté. Paris, 1926, p. 72 sq.; R. Holtzmann. Geschichte der Sächsischen Kaiserzeit. München, 1943, S. 441—2; C. G. Mor. L'Éta feudale. Storia politica d'Italia, t. I. Milano, 1952, p. 558 sq.

³⁵ Описание восстания см. G. Schlumberger. L'épopée byzantine à la fin du X-e siècle, II-e partie. Basile II tueur de Bulgares, Paris, 1900, p. 514 sq.; J. Gay. L'Italie méridionale et l'Empire Byzantin... de 867 à 1071. Paris, 1904, p. 399 sq.; R. Holtzmann, Op. cit., p. 475 sq.; Mor. Op. cit., p. 545 sq.

обращаются за помощью к мелким княжествам Средней Италии и вступают в соглашение с папой. Последний предоставляет в их распоряжение башню Гарильяно (Gariliano), которая являлась с этого момента базой операций повстанцев³⁶, и осуществляет также встречу Мелеса с норманскими воинами³⁷. Опираясь на эту базу, повстанцы вместе с прибывшими из Капуи и Беневента подкреплениями и с норманскими отрядами в середине 1017 г. выступают в поход на Апулию³⁸. После трех подряд победоносных сражений им удалось овладеть страной вплоть до реки Трани³⁹.

Такой неблагоприятный для Василия II ход событий в Италии принудил его послать туда значительные воинские части под командованием только что назначенного катепана Василия Вайоанниса⁴⁰. Войска высадились недалеко от Бари еще в декабре 1017 г. Новый катепан, проводя интенсивную подготовку к решающей борьбе⁴¹, вступает в переговоры со сторонниками Мелеса в Средней Италии. Повстанцы тем временем подтягивают новые подкрепления, состоящие из норманнов⁴².

Из хроники Адемара известно, что в войсках Василия было много русских воинов⁴³. Видимо, это сообщение можно считать полностью достоверным. Факт наличия русских частей на службе у Византии — не новое явление. При их помощи было подавлено восстание Варды Склира в 896 г.; они участвуют в болгарских войнах 991—995 гг., в военных действиях в Сирии в 999 г., в войне с хазарами 1016 г.⁴⁴ И в Италии русские войска оказались уже не в первый раз. Из заслуживающих доверия сообщений хроники прекрасно информированного епископа Леона из Остии (Marsicanus) известно, что византийцы «non multo ante, a tempore scilicet primi Ottonis, Apuliam sibi Calabriamque sociatis in auxilium suum Danis, Russis, et Gualanis vendicaverant...»⁴⁵. Столь же достоверный источник, иногда, правда, допускающий ошибки в хронологии событий, сообщает об участии русских войск в боях на стороне византийцев в 1027 г. во время военных действий на итальянской территории⁴⁶. Следовательно, сообщение Адемара не является единственным, и русским на византийской службе не раз приходилось сражаться и на итальянской территории.

В успехе восстания Мелеса был заинтересован и Генрих II. Косвенно свидетельствует об этом позиция папы, однако еще более значителен тот факт, что сам Мелес вскоре будет добиваться помощи германского императора. Об этом свидетельствует также, как мы увидим, поведение импе-

³⁶ Leoni Marsicani Casinensis, monachi postmodum cardinalis episcopi Ostiensis Chronicon Monasterii Casinensis. PL, t. 173, II, cap. 37, p. 638.

³⁷ Rodulfi Glabri Cluniacensis monachi Historiarum sui temporis libri V. PL, t. 142, III, cap. I, p. 646; Guillelmi Apuli Historicum Poema de rebus Normannorum in Sicilia, Apulia et Calabria gestis, usque ad mortem Roberti Guiscardis ducis, scriptum ad filium Rogerium. PL, t. 149, p. 1027—1028.

³⁸ Leoni Chronicon, II, cap. 37, p. 628; ср.: Guillelmi Apuli Poema, p. 1028—29; Lupi Protospatharii Chronicon. PL, t. 155, p. 132; Annales Baresnes, PL, t. 155, p. 125; Rodulfi Glabri Historiarum..., p. 646.

³⁹ Ср.: Leoni Chronicon, p. 628.

⁴⁰ Schlumberger. L'épopée byzantine, t. II, p. 570; Mor. Op. cit., p. 562—563.

⁴¹ Schlumberger. Op. cit., t. II, p. 570; Mor. Op. cit., p. 562—563.

⁴² Schlumberger. Op. cit., t. II, p. 570 (на основе недоступной нам хроники Амати).

⁴³ Ademari... Gesta Francorum, III, cap. 55, p. 66; см. В. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе. Труды, т. I, СПб., 1908, стр. 205.

⁴⁴ См. Левченко. Очерки..., стр. 382 и сл.

⁴⁵ Leoni Chronicon, II, cap. 37, p. 527.

⁴⁶ Annales Baresnes, sub. 1027, p. 125.

ратора Генриха во время его интервенции в Италию в 1021—1022 гг. Итак, интересы двух империй на итальянской территории находились в полном противоречии. Германский император поддерживает местное антивизантийское движение, подавляемое Василием, между прочим, с помощью русских войск, и одновременно, хоть это и выглядит парадоксально, Генрих II находится в союзе с Русью! Неудивительно, что как только весть о высадке византийско-русских войск на юге Италии дошла до Генриха, а это произошло, несомненно, еще в конце 1017 г.⁴⁷, он попытался предпринять соответствующие шаги, чтобы воспрепятствовать окончательному разгрому повстанцев. Предпринять немедленную интервенцию в Италию германский император в то время не мог, учитывая недавнюю тяжелую борьбу с Болеславом и внутреннее положение страны: поднимала голову саксонская оппозиция⁴⁸, нарастало волнение среди лютичей, вылившееся вскоре в грозное восстание⁴⁹. В этой связи становятся понятными и поспешность в заключении мира с Польшей и разрыв соглашения с Ярославом. Генрих II мог рассчитывать, что в решающий момент борьбы за киевский трон русские отряды будут отозваны из Византии или Ярославом, или новым владыкой Руси. По этим соображениям Генрих не только согласился оказать помощь в русском походе Болеславу Храброму, но и старался ускорить этот поход. Это было весьма на руку Болеславу, который стремился осуществить собственные планы: подчинить себе Русь и отторгнуть столь важные в экономическом отношении земли Червеньских городов⁵⁰.

Учитывая все сказанное, можно выдвинуть гипотезу, что требования, выставленные посольством Болеслава Храброго, касались отзыва русских подкреплений с итальянской территории. Можно предполагать, что упомянутые выше «вола», обещанные Василию взамен удовлетворения этих требований, касались поддержания прежних хороших отношений Киева с Византией. В результате приобрели бы выгоды Генрих II, стремившийся спасти апулийских повстанцев от окончательного разгрома, и Святополк, который получил бы в свое распоряжение силы, с помощью которых он сумел бы утвердить свою власть на Руси. Но что же в таком случае обусловило участие в этих действиях Болеслава Храброго? Суть дела тут, по-видимому, заключалась в следующем. Во-первых, Болеслав должен был стремиться к укреплению власти Святополка на Руси, ибо это означало упрочение там польского влияния — по этим же соображениям он мог быть заинтересован в возвращении русских частей из Византии. Во-вторых, не исключено, что Болеслав сам стремился завязать сношения с Византией, установить политические контакты с Василием II. Это предположение подтверждается тем известным фактом, что сын Болеслава, будущий король Мешко II, учился греческому языку⁵¹, что было редким для тех времен явлением.

Остается еще рассмотреть вопрос о результатах посольства Болеслава Храброго.

⁴⁷ С сообщениями из Италии следует, на мой взгляд, связывать освобождение Генрихом графа Эцелина из Эсте, связанного с кресценцианской оппозицией и заключенного в тюрьму со времени последней римской экспедиции. Ср.: Thietm., Chronicon, VIII, cap. 1, p. 579. Это произошло 25 января 1018 г.

⁴⁸ С этим связано освобождение Гунцелина и возвращение владений баварскому князю Генриху — ср. Thietm., Chronicon, VII, cap. 65, p. 563.

⁴⁹ Ср.: Thietm., Chronicon, VIII, cap. 5 sq., p. 587 sq.

⁵⁰ О значении Червеньских городов см. W. Semkowicz. Geograficzne podstawy Polski Bolesława Chrobrego. Kwartalnik Historyczny, 1925, z. 2, str. 301 sq.

⁵¹ Письмо Матильды Мешко II. МРН, т. I, p. 323; см. A. Karbowiak. Dzieje wychowania i szkół w Polsce w wiekach średnich, I. Petersburg, 1898, str. 85.

Ни одна из сторон, заинтересованных в успехе посольства к Василию II, не могла, конечно, предвидеть той резкой перемены в политических отношениях, которая обусловила неудачу строившихся ранее планов. На Руси вскоре вспыхнуло восстание, и Болеславу пришлось уйти оттуда, удовлетвовавшись богатой добычей и захватом Червеньских городов⁵². В Киеве еще несколько месяцев княжил Святополк, но и он вскоре подвергся изгнанию, и трон перешел к Ярославу⁵³, изгнанному было в результате интервенции 1018 г. В этой новой обстановке задачи посольства, если оно даже и достигло места своего назначения, полностью потеряли свою политическую актуальность. Оно ничем не помогло апулийским повстанцам. С октября 1018 г. идет наступление Василия Войоанниса⁵⁴, и в битве под Каннами, по словам Адемара, повстанцы «quarto congressu cum gente Russorum victi et prostrati sunt et ad nihilum redacti, et innumeri ducti Constantinopolim, usque ad exitum vitae in carceribus tribulati sunt»⁵⁵.

О поражении восставших сообщается и в других источниках: у Леона из Остии, Вильгельма из Апулии и др.⁵⁶ Прежние союзники — настоятель монастыря Монте Кассино Атенульф, князь Пандульф IV из Капуи, Гуаймар из Салерно, Ландульф из Беневента — не оказали Мелесу и его войнам никакой поддержки и начали переговоры с новым катепаном. В этой ситуации, когда даже папа не мог оказать им помощи, Мелес и некоторые другие вынужденные были отправиться к императору Генриху II в Германию⁵⁷. Вслед за ними устремился туда и сам папа⁵⁸. В Германии, в Бамберге, 24 апреля 1020 г. вождь апулийской оппозиции умер⁵⁹. Бои в Италии продолжались до июня 1021 г.⁶⁰, и организованная в результате больших усилий германская интервенция в конце 1021—начале следующего года решительно запоздала. Войска германского императора со всей жестокостью наказывают «изменников», силой захватывают княжества Средней Италии, вступают в границы византийских территорий, где разрушают город Трюю. Те, кто поддерживал восстание, получают награды, а Мелес посмертно награждается титулом «dux Apuliae»⁶¹. Репрессии, мо-

⁵² Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 484 и сл.; М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси. М. 1955, стр. 71 и сл. Размер захваченной Болеславом территории одни (Semkowicz. Op. cit., p. 312; Grabski. Op. cit., p. 275) определяют как Червеньские города sensu strictiori, т. е. без Перемышля и Белза, а другие (например, Kupfer, Lewicki. Źródła hebrajskie..., стр. 43—44) — включая Перемышль.

⁵³ Повесть временных лет, т. I, стр. 97, 98.

⁵⁴ Lupi Protospatharii Chronicon, p. 132. Здесь указан месяц, но ошибочно дан 1019 год. См. Schlumberger. Op. cit., p. 570; Mor. Op. cit., p. 563.

⁵⁵ См. примеч. 43.

⁵⁶ Leoni Chronicon, II, cap. 37, p. 628; Guillelmi Apuli... Поэма, p. 1030; Lupi Protospatharii Chronicon, p. 132; Annales Barenses, p. 125; Georgii Cedreni Historiarum compendium... PG, t. 122, col. 189—190.

⁵⁷ Leoni Chronicon, II, cap. 37, p. 629; Guillelmi Apuli... Поэма, p. 1030.

⁵⁸ Hermanni Contracti Chronicon. PL, t. 143, col. 231 (sub 1020); Annales Quedlinburgenses, MGH SS, III, p. 85 (sub 1020); Annales Hildesheimenses, MGH, SS, III, p. 95 (sub 1019).

⁵⁹ Vita Meinwerici, MGH, SS, XI, p. 104; Adalberti Vita Heinrici II Imperatoris, MGH, SS, IV, cap. 22, p. 805; Guillelmi Apuli... Поэма, p. 1030. О месте погребения Мелеса см. в документе Генриха III от 29 мая 1054 г., MGD, III, Berlin, 1931, S. 440, nr. 322; ср.: Schlumberger. Op. cit., p. 571; Gay. L'Italie méridionale..., p. 412; Holtzmann. Op. cit., p. 477; Mor. Op. cit., p. 563.

⁶⁰ Schlumberger. Op. cit., p. 571.

⁶¹ Schlumberger. Op. cit., p. 584—595; Holtzmann. Op. cit., p. 477—479; Mor. Op. cit., p. 566 sq.

жет быть, усилили в Италии страх перед германским императором, но не могли спасти положение.

Таковы были результаты одного из самых крупных политических планов Болеслава Храброго и императора Генриха II. Единственной стороной, которая в этом что-то выиграла, был польский князь: он ограбил Русь и захватил Червеньские города. Эти последние, впрочем, недолго оставались под польским владычеством. Пострадали же от всех этих войн и грабежей, совершавшихся ради интересов стоявших у власти правителей, жители Руси и Италии.

* *
*

Мы, разумеется, отдаем себе полный отчет в том, что все наши предположения опираются лишь на один отрывок из средневековой хроники. Но такова обычно судьба исследователя истории тех времен, от очень многих событий которых нередко сохранились только две-три короткие и часто неясные латинские фразы. Поэтому выводы, изложенные нами выше, не могут расцениваться иначе, как гипотеза⁶².

---

⁶² По предложению Ст. Закжевского, „не исключено, что Болеслав отправил на службу к Василию какие-то польские отряды, хотя это выглядит сомнительным, принимая во внимание Будишинский мир“ (ук. соч., стр. 307). Основой этого предположения было название „Guandali“ в „Annales Barenenses“ под 1027 г. (см. примеч. 46), автор которых был склонен считать их поляками, в связи с именованием Мешко I в „Miracula sancti Udalrici“ „dux Wandalorum“ (MGH, SS, IV, p. 423) — см. Zakrzewski. Op. cit., p. 417. Можно еще сослаться на упоминание Леона из Остии о службе в византийских войсках „Gualanorum“ (см. примеч. 45). Предположение Ст. Закжевского поддержал Галецкий (ук. соч., стр. 45), а также известный историк-византист Казимир Закжевский: K. Zakrzewski. Dzieje Bizancjum, Wielka Historia Powszechna, t. IV/1. Warszawa, 1938, str. 176. Нам кажется, однако, что до выяснения вопроса о том, что означают Gualani и Guandali, нельзя высказаться на эту тему.

Автор приносит сердечную благодарность за любезную помощь, полученную им при работе над данной статьей от профессора Лодзинского университета доктора Галины Эверт-Каппесовой, которая ознакомилась с рукописью и сделала ряд замечаний. Эти замечания в значительной степени содействовали приданию данной работе ее окончательного вида.

Перевод с польского О. П. Морозовой